

ПРИРОДА

«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

К какому художественному жанру относится «Слово»?

Созданное сразу после событий Игоря похода, «Слово» было непосредственным откликом на них. По точному выражению К. Маркса, «суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ»¹.

«Слово» не столько повествует о событиях Игоря похода, сколько их обсуждает, дает им оценку. Оно говорит о них как о хорошо известных читателям. Это горячая речь патриота — речь страстная и взволнованная, поэтически непоследовательная, то обращаясь к событиям живой современности, то вспоминающая дела седой старины, то гневная, то печальная и скорбная, но всегда полная веры в родину, полная гордости ею, уверенности в ее будущем². В самом деле, в «Слове» ясно ощущается широкое и свободное дыхание устной речи. Оно чувствуется и в выборе выражений — обычных, употреблявшихся в устной речи, терминов военных и феодальных; оно чувствуется и в выборе художественных образов, лишенных литературной изысканности, доступных и народных; оно чувствуется и в самой ритмике языка, как бы рассчитанного на произнесение вслух. Автор «Слова» постоянно обращается к своим читателям, точно он видит их перед собой. Он называет их

«братия» («Не лѣпо ны бѣшетъ, братие...», «почнемъ же, братие...»).

В круг своих воображаемых слушателей он вводит и своих современников, и людей прошлого. Он обращается к Бояну: «О Бояне, соловію старого времени! абы ты сиа плѣкы ущекоталь». Он обращается к Буй Туру Всеволоду: «Ярь туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шелома мечи харалужными!» Он обращается к Игорю, к Всеволоду Суздальскому, к Рюрику и Давыду Ростиславичам и т. д. Описывая печальные предзнаменования, которые предшествовали походу Игоря и сопровождали Игоря на его роковом пути, он как бы хочет остановить его и тем самым вводит читателя в тревожную обстановку похода. Он прерывает самого себя восклицаниями скорби: «О, Русская землѣ уже за шеломянемъ еси!», «То было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сицеи рати не слышно!» Все это создает впечатление непосредственной близости автора «Слова» к тем, к кому он обращается. Эта близость переходит за грань близости писателя к своему читателю, — это близость скорее оратора к своим слушателям. Автор «Слова о полку Игореве» ощущает себя произносящим свое произведение, а не пишущим его.

Однако было бы ошибочным считать, что перед нами типичное ораторское про-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 29, с. 16.

² О «Слове» как об ораторском произведении см.: Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красно-

речия Киевской Руси.— В кн.: «Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Сер. «Литературные памятники». М.—Л., 1950.

Праведные жены. Деталь росписи
Дмитриевского собора во Владимире. XII в.

изведение, предполагать, что в «Слове о полку Игореве» соединены только жанровые признаки ораторского «слова» — все равно, рассчитанного для произнесения или только для чтения. Не исключена возможность, что автор «Слова» предназначал свое произведение для пения. Во всяком случае, лирики, непосредственной передачи своих чувств и настроений в «Слове» больше, чем можно было бы ожидать от произведения ораторского. Исключительно сильна в «Слове» и его ритмичность. Наконец, следует обратить внимание и на то, что сам автор «Слова», хотя и называет свое произведение очень неопределенно — то «словом», то «песнью», то «повестью», однако, выбирая свою поэтическую манеру, рассматривает как своего предшественника не какого-либо из известных и нам ораторов XI—XII вв., а Бояна — певца, поэта, исполнявшего свои произведения под аккомпанемент струнного инструмента, по-видимому гуслей. Автор «Слова» до известной степени противопоставляет свою манеру манере Бояна (автор обещает начать свою «песнь» «по былинамь сего времени, а не по замышлению Бояню»), однако это противопоставление

потому-то и возможно, что он считает Бояна своим предшественником в том же роде поэзии, в каком творит и сам.

Народно-песенное начало выражено в «Слове» сильно и глубоко. Отдельные части «Слова» очень близки к хвалебным песням, слагавшимся в честь того или иного героя — князя или воина, — «славам», другие — народным «плачам». Не случайно эти славы и плачи так часто упоминаются в «Слове». С этими плачами и славами в значительной степени связана и стилистика «Слова» — ее народная основа (см. главу «Слово и народная поэзия»).

В искусстве слова существуют две жанровые системы: жанры письменные и устные, литературные и фольклорные. Литературные жанры — это летопись, поучения, жития, повести, сказания и т. д.; народно-поэтические жанры — былины, исторические песни, лирические песни, обрядовые песни, сказки, поговорки и т. п. Точное определение жанра «Слова» требует точного же отнесения «Слова» либо к устной народной поэзии, либо к литературе. Между тем сделать это нельзя: «Слово» совмещает в себе и устную народную стихию, и письменную традицию почти в равной степени. «Слово» — произведение ни чисто устно-поэтическое, ни чисто литературное. Правда, в литературное произведение вносятся иногда элементы народной поэзии, и оно остается тем не менее произведением литературным. Бывает и так, что в народное произведение вносятся книжные элементы и оно остается народным. Что преобладает в «Слове» и можно ли заявить, что «Слово» — произведение только литературное или только фольклорное?

«Слово» — произведение письменное, но значит ли это, что на основании только этого признака мы не должны связывать его с фольклором? Есть фольклорные произведения, записанные собирателями и оттого не переставшие быть фоль-

кларными. Очевидно, что сам автор «Слова» написал свое произведение, но это не значит, что он мыслил его только как письменное. Он творил свое произведение в устных народно-поэтических формах ничуть не меньше, чем в литературных¹. Вернее всего, что «Слово» в равной мере принадлежит литературе и фольклору. Отсюда неясность жанровой принадлежности «Слова». Принадлежа одновременно к двум системам жанров, «Слово» ломает рамки обоих. И в этом нет ничего удивительного: гениальные произведения очень часто выходят за пределы жанровых ограничений. Как произведение литературное, книжное «Слово о полку Игореве» ближе всего стоит к форме письменных ораторских произведений. Как произведение, теснейшим образом связанное с устной народной поэзией, оно стоит ближе всего к народным плачам и прославлениям. Первой своей стороной — книжно-ораторской — оно связано с тем его идейным содержанием, которое отчетливее всего выражено в обращениях к князьям с предложением организации военного похода против половцев «за землю Русскую, за раны Игоревы». Второй своей стороной — устно-народной — оно главным образом связано с тем идейным содержанием «Слова», которое обращено к широкому общественному мнению, к мнению общенародному и призывающему всех русских людей сплотиться в борьбе со страшной внешней опасностью. В формах ораторского искусства автор обращался по преимуществу к конкретным лицам, к конкретным князьям, как обращаются с речью к непосредственным слушателям. Внося же в свое произведение элементы народ-

ного плача и прославления, широко прибегая к понятиям «слава», «честь», «хвала», «хула», автор «Слова» имел в виду всех возможных слушателей или читателей своего произведения — всех русских людей, для которых народно-поэтическая форма выражения была привычной, знакомой с детства, была родной и национальной.

В скрещении этих двух линий — сложность идейно-жанровой природы «Слова».

Таким образом, «Слово о полку Игореве» — это призыв к единению, призыв певца-поэта. Оно было, несомненно, написано автором, но автор чувствовал свою связь с устным словом, с устной поэзией; автор чувствовал свое произведение произнесенным. Написанное, оно сохраняет для нас все обаяние живого, устного слова — слова горячего, убеждающего, полного самой искренней, самой задушевной, сердечной любви к родине, полного веры в тех, к кому оно обращалось.

Призыв к единению выражен в «Слове» то косвенно, то прямо. Прямо выражен призыв в «золотом слове» Святослава Киевского, продолженном обращением самого автора «Слова» к русским князьям: владими́ро-суздальским, полоцким, галицким и т. д. Всех их автор «Слова» считает причастными общему русскому делу — защите южных границ Руси.

Последовательность, в которой автор «Слова» обращается к русским князьям, лишена местничества или узкородовой точки зрения. Автор «Слова» не учитывает ни родственных отношений, ни сте-

¹ О народно-поэтических элементах в «Слове о полку Игореве» см.: Андреев Н. П. «Слово о полку Игореве» и народное творчество. — «Народное творчество», 1938, № 5; Соколов Ю. М. «Слово о полку Игореве» и народное творчество. — «Литературный кри-

тик», 1938, № 5; Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Под ред. Адриановой-Перетц В. П. Сер. «Литературные памятники». М.—Л., 1950.

пени важности княжеств. Ему ничего не стоит обратиться сперва к племяннику, а потом к дяде (к Владимиру Глебовичу, а затем к Всеволоду Суздальскому), к ольговичам вперемешку с мономаховичами, к смоленским князьям (Рюрику и Давыду Ростиславичам) прежде, чем к Ярославу Осмомыслу. Скорее всего, последовательность здесь живая, непосредственная, лишенная особых расчетов и этикета. Он обращается прежде всего к тем князьям, чьего участия в будущем походе он больше всего добивается, от кого прежде всего ждет отклика. При всем величии своего патриотического воодушевления, автор «Слова» реалист в политике.

Автор «Слова» по-разному оценивает политические перспективы отдельных русских княжеств. Отмечая (и при этом почти пророчески) растущую силу Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской земель, он с горькой иронией дает совет полоцким князьям: «понижити стязи свои, вонзите мечи свои вережены». Действительно, положение полоцких княжеств, ослабленных междоусобной борьбой, было очень печальным. В этих междоусобных битвах они должны были признать свое поражение.

Меньше других автор «Слова» обращается к Всеволоду Юрьевичу Суздальскому. Он отмечает, что Всеволод замкнулся в политических интересах только своего княжества: «Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издача отня злата стола поблюсти?» И этим верно определен поворот в политике владимирских князей, наступивший во второй половине XII в. Дело в том, что в отличие от своего отца Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский порывает с Киевом, за обладание которым боролся его отец, и уходит к себе на север. Здесь, на севере, Андрей делает ряд попыток создать новый центр Руси. Политику Андрея решительно продолжил его брат Всеволод.

«Ты бо можеша Волгу веслы раскрыпити» — в этих словах автора «Слова» подчеркнута и многочисленность войска Всеволода, и его успешная борьба с волжскими болгарами (1183 г.).

Наконец, полны исторического значения и заключительные слова обращения к Всеволоду: «Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы», под которыми, очевидно, подразумеваются сыновья Глеба Ростиславича Рязанского, которых Всеволод держал в своей власти.

В призыве к Рюрику и Давыду Ростиславичам автор касается лишь одной характерной особенности — их храброй дружины. Так оно, очевидно, и было: Рюрик и Давыд провели беспокойную жизнь. Рюрик неоднократно появлялся на киевском столе, захватывая его военной силой. Не раз ходил Рюрик и на половцев, только недавно, в 1183 г., нанес он половцам жестокое поражение на реке Хирии (или Хороле?). Ходил Рюрик на половцев и в 1185 г. Эти войны с половцами, очевидно, и имеет в виду автор «Слова», когда пишет: «Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ?»

Обращаясь к Ярославу Осмомыслу Галицкому, автор «Слова» верно указывает на его силу: наряду с княжеством Владимиро-Суздальским Галицкое княжество было явно на подъеме своего могущества. Ослабление Киева и Чернигова в XII в. шло параллельно росту могущества княжеств Владимиро-Суздальского и Галицкого. Автор «Слова» называет престол, на котором сидит Ярослав Осмомысл, «златокованным», и это не случайно. Здесь, как и во многих других случаях, в «Слове» поражает исключительная точность и многозначность подбираемых им выражений. Термин «золотой» может в равной степени означать и золоченый, и сделанный из сплошного золота. Княжеский стол в Киеве назван «золотым». Он золотой

прежде всего по своему значению, а может быть, и потому, что реальный стол в Киеве был золотым или золоченым. Зато стол галицкий назван «златокованным», сделанным из сплошного золота, и этим подчеркивается богатство престола, а следовательно, и богатство Галича. Действительно, из всех княжеств Руси XII в. Галицкое было самым богатым вследствие выгодного для Галича перемещения в XII в. торговых путей, соединявших север и юг Европы, — из Поднепровья, где их прервали половцы, на Запад — в безопасные районы Галицкого княжества. Усиление в XII в. галицких городов было вызвано их увеличившимся торговым значением.

Следующий затем призыв обращен к «буй Роману и Мстиславу». Буй Роман — Роман Мстиславич. Это ясно из перечисления его побед над Литвой, ятвягами, деремелой и половцами. Из Романов, современников автора, только Роман Мстиславич Галицкий ходил на все эти народы. Именно для его войска было характерно и латинское вооружение («суть бо у ваю желѣзныи паробци подѣ шеломы латиньскими»). Но кто такой Мстислав, по всему судя близкий к Роману, деливший его победы? Это мог быть и Мстислав Ярославич Пересопницкий, и Мстислав Всеволодович Городенский.

Затем автор «Слова» обращается к Ингварю и Всеволоду и ко «всем трем Мстиславичам». Ингварь и Всеволод — это сыновья Ярослава Изяславича Луцкого; но кто такие «вси три Мстиславичи»? Это сыновья Мстислава Изяславича — Роман, Святослав и Всеволод. Как уже было сказано, Мстиславичи эти пользовались постоянной помощью от Польши. Они были по матери полуполяками — внуками польского короля Болеслава Кривоустого. Вот почему в обращении к ним автор «Слова» говорит: «Кое ваши златыи шеломы и сулицы а щиты?»

Дойдя в своем обращении ко всем русским князьям до князей полоцких, автор «Слова» ограничивается в отношении их лишь призывом прекратить раздоры с остальными русскими князьями.

Обращает на себя внимание отсутствие призыва к Новгороду Великому. На первый взгляд это кажется странным, но на самом деле это показывает в авторе «Слова» реального политика. Это не означает, что автор «Слова» считал Новгород вне пределов Русской земли. Выражение «расшибе славу Ярославу (новгородскому князю)» показывает, что автор «Слова» вводил Новгород в круг русских исторических традиций и, следовательно, не исключал его из числа русских городов. Дело в том, что во главе Новгорода стоял не князь, который худо ли, хорошо ли, но все же мог быть в XII в. представителем общерусских интересов, а боярская олигархия, которая была связана только со своей землей и для которой общерусские интересы были совершенно чужды. Обращаться к ней было бесполезно, и автор «Слова» не сделал этого. Ни разу еще в XII в. новгородские войска не участвовали в общерусских походах. Узко местные интересы преобладали в среде новгородского боярства и купечества. Отсюда можно заключить, что обращения автора «Слова» не были только литературной формой. Автор «Слова» обращался к конкретным князьям с призывом к конкретному походу и к конкретному союзу против степи.

Только ли к русским князьям направлял свой призыв автор «Слова»? Конечно, нет. «Слово» было обращено к общественному мнению всего русского народа, ко всем лучшим русским людям. Вот почему это общественное мнение занимает такое большое место в «Слове» и вот почему автор «Слова» постоянно говорит о чести, славе, хвале и хуле. Дру-

«Богоматерь Владимирская». Деталь.
XI — первая половина XII в.

жинные представления о чести и славе отчетливо дают себя чувствовать в «Слове о полку Игореве». «Слово» буквально напоено этими понятиями. Все русские князья, русские воины, города и княжества выступают в «Слове» в ореоле славы или хулы. В ореоле славы «сведомыхъ къметей» выступают куряне, в ореоле славы («звонячи въ прадѣдную славу») выступают черниговцы, в ореоле славы выступает дружина Рюрика и Давыда Ростиславичей и т. д.

Давая несколько гиперболические отзывы о русских князьях (о Всеволоде Юрьевиче Владимиро-Суздальском, о Ярославе Осмомысле Галицком и др.), автор «Слова» делает это, как бы пересказывая молву о них. Поисками славы объясняет автор многие из действий русских князей, в частности и поход Игоря Святославича. Собираясь на половцев, Игорь и его брат Всеволод сказали:

«Мужаимъся сами: переднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ». В ночь перед битвой русичи Игоря перегородили своими червлеными щитами великие поля, «ищучи себѣ чти, а князю славы». Именно так понимает в «Слове» побудительные причины к походу Игоря и сам Святослав Киевский: «Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати». Неоднократно говорится в «Слове» и о дедней славе, славе родовой, княжеской: Изяслав Василькович «притрепа славу дѣду своему Всеславу», Всеслав Полоцкий расшиб славу Ярослава — славу новгородскую и т. д.

Наконец, в «Слове» неоднократно упоминается и о пении той самой славы — хвалебной песни, в которой как бы находило себе воплощение понятие «слава» — народная молва, известность. «Славу», т. е. хвалебную песнь, поют окружающие Русь народы Святославу Киевскому.

При возвращении Игоря из плена ему поют славу «дѣвици» «на Дунаи». Сам автор «Слова» заключает свое произведение провозглашением славы князьям и дружине.

Каково, однако, отношение самого автора «Слова» к понятиям «слава», «честь», к народной молве? Свои суждения автор «Слова» не отделяет от общественного мнения. Выразителем общественного мнения он себя и признает, стремясь передать свою оценку событий, свою оценку современного положения Руси как оценку общенародную. Но при этом то общественное мнение, которое он выражает, является общественным мнением лучших русских людей его времени.

Автор «Слова» в нормах феодального поведения, в дружинных представлениях о чести и славе, в идеологии верхов феодального общества наполняет своим, более широким, патриотическим содержанием понятия «честь», «слава», «хвала» и «хула». За поиски личной славы

он осуждает Игоря Святославича и его брата Всеволода, Бориса Вячеславича и других русских князей. Однако во всех тех случаях, где речь идет о славе в более широком патриотическом значении, автор «Слова» сочувственно говорит о ней. Честь и слава родины, русского оружия, князя как представителя всей Русской земли волнует автора «Слова» прежде всего. Отсюда ясно, что подлинный смысл призыва автора «Слова», может быть, заключается не только в попытке организовать тот или иной поход, но и в более широкой и смелой задаче — объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей, заклеить в общественном мнении вредные узко-

феодальные представления, мобилизовать общественное мнение против поисков князьями личной славы, личной чести и мщенья ими за личные обиды.

Задачей «Слова» было не только военное, но и идейное сплочение всех лучших русских людей для борьбы за единство Русской земли. Вот почему автор «Слова» так часто и так настойчиво об этом общественном мнении напоминает. Эта задача была рассчитана не на год и не на два. В отличие от призыва к организации военного похода против половцев, она могла охватить своим мобилизирующим влиянием по крайней мере целые столетия — вплоть до монголо-татарского нашествия.

